УДК 930.2

УРОКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Е.С. Кирсанова

Северский государственный технологический институт
E-mail: kirsanov@ssti.ru

Проводится сравнительный анализ современных методологических дискуссий о путях обновления отечественной науки и дискуссий между русскими историками конца XIX – начала XX вв.

В современной литературе о путях развития методологии отечественной исторической науки нет недостатка в разнообразных радикальных проектах, реализация, которых, по мнению их авторов, позволит российским историкам добиться впечатляющих успехов на историографическом поприще. Одни исследователи предлагают отечественным историкам взять в качестве генерализирующего принципа исторических исследований цивилизационный подход, переопределив через его призму содержание базовых исторических понятий и откорректировав пространственно-временное измерение российской истории. Другие рекомендуют вооружиться идеями синергетики о роли флуктуаций в трансформациях социального порядка и объяснять исторические процессы с помощью таких понятий, как «коэволюция», «аттрактор» «структурная конгруэнтность», «бифуркация». Третьи, видят ключ к решению историографических проблем в овладении инструментом дискурсивного анализа и т.д.

На фоне продолжающегося спора между конкурирующими рецептами перестройки отечественной историографии, каждый из которых сегодня претендует на роль методологической истины, нам представляется, что уже пришло время «собирать камни», то есть делать шаги к интегральной парадигме исторического анализа. В этой интегральной парадигме ныне противостоящие друг другу современные версии историописания смогут равноправно сотрудничать в создании многоаспектной панорамы истории. Этот путь откроется тогда, когда в методологических дискуссиях вместо аффективного подчеркивания принципиальных преимуществ той или иной концепции, начнется спокойный разговор о том, в чем преимущества и недостатки разнообразных (а порой и контрастных) подходов к изучению прошлого. Где они отличаются друг от друга, а где совпадают?

Хотелось бы, однако, подчеркнуть: такой разговор не должен ограничиться сопоставлением новых, шумно заявивших в последнее время о себе методологических и историософских идей. Он должен обязательно коснуться и вопроса о том, в каком отношении новая методология (в сегодняшнем ли ее хаотическом, или в завтрашнем интегрированном виде) находится с методологическими концепциями, направлявшими развитие отечественной исторической науки в советский и досоветский периоды.

К слову сказать, разговор об исторической преемственности современной методологической революции в историческом познании идеям традиционной историографии в западноевропейских странах уже начался и приносит позитивные результаты – нахождения историографического консенсуса между прошлым исторической науки, ее современным состоянием и ее предполагаемым будущим. Сошлемся в этой связи лишь на два примера, количество которых можно множить.

Пример первый – получившее большой резонанс среди западных историков дважды изданное в 90-е гг. исследование одного из корифеев западной историографии Г. Иггерса «Историческая наука в XX в.» [1]. Детально рассматривая спор между «новаторами» (сторонники идей школы «Анналов», американской социальной истории, истории повседневности, микроистории и т.д.) и «традиционалистами» (позитивистами, марксистами, историками, черпающими вдохновение в идеях идеалистического историзма XIX в.), Г. Иггерс, в конечном итоге, приходит к выводу, что по трем самым принципиальным вопросам исторической эпистемологии и историософии между ними не произошел разрыв. Вопрос о «наличии смысла истории», с его точки зрения, не смотря на внешнюю кажимость противоречивости «новых» и «старых» воззрений, решается по большому счету одинаково положительно: просто, старая историософия искала «единственный» смысл, новая – «множество смыслов». Второй вопрос о так называемом «конце исторической науки», по его мнению, также не способен превратить «новаторов» и «традиционалистов» в антогонистов, поскольку и те и другие признают необходимость существования в исторической науке исследовательских парадигм (первые – как единственную, вторые – как множественную). Наконец, третий, казалось бы, безусловно разводящий по разные стороны баррикад «новаторов» и «традиционалистов» вопрос об историческом прогрессе, считает Иггерс, при вдумчивом анализе, не является причиной непримиримой конфронтации. Порвав с идеями Просвещения о «разумном» и «прогрессивном» ходе истории, новые методологические и историософские доктрины негласно исходят из признания необходимости движения истории к цели «создания более гуманного мира, в котором достойное место займут и идеи Просвещения об обществе «автономного» человека».

Пример второй – опубликованное в конце 90-х гг. фундаментальное комплексное исследование немецких и чешских историков «Историописание в XX столетии» [2], посвященное поиску общей константы в непрекращающейся борьбе разных направлений в исторической методологии, константы, которая могла бы стать «взаимоприемлемой основой для всестороннего постижения прошлого и поиска путей в мир будущего». Чрезвычайно насыщенное интересными концептуальными историографическими и методологическими идеями это исследование интересно прежде всего попыткой выявления объединяющего начала во всем спектре казалось бы взаимоотрицающих историко-теоретических концепций и историографических практик XX вв., независимо от времени и причин их популярности среди историков. Ни в малейшей степени не микшируя пагубные последствия монополии марксизма на историографию ГДР и Чехословакии, авторы, тем не менее, аргументировано обосновывают мысль о том, что в период 1945–1985 гг. в восточноевропейской исторической науке не только создавалась почва для сегодняшний плюрализма методологических воззрений, но и были достигнуты результаты, которые не будут подвергнуты сомнению с позиций какой угодно прогрессивной новой методологии.

Сторонники радикальной модернизации российской исторической науки сегодня, к сожалению, делают все, чтобы «завязывание нитей» с предшественниками не состоялось. Обсуждавшиеся на протяжении веков методологические и конкретно-исторические проблемы объявляются «анахронизмами», не заслуживающими серьезного внимания. Попытки же «традиционалистов» переинтерпретировать свои прежние воззрения в духе новых методологических воззрений, встречаются «новаторами» с критической настороженностью.

Характерный пример: недавно А.Н. Сахаров попытался в одной из своих статей [3] указать на пути возможного компромисса между новыми методологическими концепциями и социально-философскими теориями, лежавшими в основе советской историографии, Так, по его мнению, цивилизационный подход к истории вовсе не предполагает полного отрицания формационного подхода. «Факторы, определяющие формацию, – пишет А.Н. Сахаров, – могут входить составной частью в характеристику той или иной цивилизации. Эволюция сторонников формационного подхода в сторону отказа от жестких социально-экономических характеристик развития общества порой ведет их к сближению со сторонниками цивилизационного подхода». Реакция не заставила себя ждать. Историк был уличен и в проповеди «методологической аморфности и познавательной неопределенности», и в «имитации методологического консенсуса» с целью понравиться современной российской власти, стремящейся установить «идеологический консенсус» в Российском обществе [4].

Ориентация создателей новых парадигм исторического знания на «разрыв» с предшественниками, думается, несет серьезную опасность и для их идей, и для российской исторической науки, и для российского общества в целом.

Во-первых, нигилизм в отношении предшествующих методологических идей создает почву для сомнения в плодотворности и новых методологических концепций. Если предшественники, находясь во тьме полного невежества и в плену марксистской, либеральной, консервативной и других идеологий, занимались исследованием вопросов, не имевших серьезного значения, если историки, руководствовавшиеся традиционными методологическими идеями, не продвинулись ни на шаг в решении проблем исторической науки, то, почему не предположить, что и новые методологические идеи окажутся столь же неплодотворными и никчемными, неспособными вывести российскую историческую науку к обещаемым достижениям? Этот неприятный для новых концепций вопрос, сегодня задают многие российские историки-конкретники. Нетрудно догадаться, что ответом на него, зачастую становится теоретический индифферентизм и уход в исторические частности, в которых не слышны отголоски методологических и историософских споров, но исследование которых, к сожалению, едва ли поднимут престиж отечественной исторической науки.

Во-вторых, радикальный разрыв со «старыми» парадигмами провоцирует негативизм к новым методологиям со стороны вузовских, и, особенно, школьных преподавателей истории. Не исключено, что школьные учителя истории, которые, в свое время, помогли объединиться Германии, в России станут дезинтеграторами общественного единства. В силу известных причин они не в состоянии переписывать конспекты своих уроков по истории, после каждой методологической дискуссии. Учитывая возраст российского учительского корпуса, смеем предположить, что в основе их конспектов, как бы не гневались на это реформаторы исторической науки, еще по крайней мере два десятилетия будут лежать идеи доперестроечных лет. Радикальное отрицание этих идей со стороны авторов создаваемых в Москве школьных учебников уже вызвала серьезные конфликты в педагогическом сообществе, последствия которых аукнутся в историческом сознании его учеников.

В третьих, разрыв идеологов радикальной модернизации российской исторической науки с предыдущими этапами развития исторического знания проявляется в их демонстративном отказе от традиционной исторической терминологии, которая прежде строилась на использовании повседневного, доступного для не-историков языка. Ее мало-помалу вытесняют термины, заимствованные из наук, которые сторонники той или иной концепции, провозглашаются эталонными для будущей перестройки исторического знания.

Эйфория российских сторонников исторического «новояза» объяснима, если вспомнить, что в недалеком прошлом попытки М.А. Барга и А.Я. Гуревича ввести в лексикон советской исторической науки такое безобидное понятие как «структура», равно как чрезмерно частое употребление Б.Г. Могильницким термина «альтернативность», имели в качестве последствий идеологические обвинения со стороны ревнителей чистоты «единственно правильной теории». Однако, сегодня подобная эйфория, порождает ситуации, когда тривиальные, известные и общепризнанные концептуальные положения исторической науки с серьезном видом подаются как теоретические открытия на том основании, что старые понятия заменены на новоязовские термины. Трудно представить человека, который бы предложив называть бегемота гиппопотамом, стал бы претендовать на великое открытие в области биологического знания. В российской историографии и историософии таких открытий сегодня великое множество. «... Россия, – пишет И.Г. Яковенко, – являет собой пример цивилизационного синтеза на лимитрофе ... Лимитроф достаточно глубоко проникает в тело России. Это уже связано со структурными характеристиками нашей цивилизации. В частности, с ее рыхлостью ... В рамках российской цивилизации агрегируются элементы, не складывающиеся в высокоинтегрированное синтетическое целое ... Ценой неимоверного исторического усилия наш народ работает над соединением несоединимых элементов в динамическое целое ... На лимитрофе формируется специфическое мироощущение. Оно осознает себя как особый мир, нетождественный цивилизационным центрам ... Такие феномены, как евразийство – не, что иное как цивилизационная рефлексия лимитрофа» [5]. Переведя процитированный текст на русский язык, мы получим высказывание: «Россия, в силу своего географического положения и истории, была вынуждена соединять в государственное единство разные этнические и культурные компоненты, порой противоречащие друг другу, что и давало почву для идеологии, провозглашающую уникальность ее исторической судьбы и предназначения». Кто будет спорить, что эта тривиальная мысль с которым, еще до рождения И.Г. Яковенко, и даже до появления проповедуемой им теории «лимитрофов», «мебран», и «схлопываний», была известна многим тысячам читателей С.М. Соловьева, В.О. Ключевского.

Заметим, что доходящее до смешного переименование исторических понятий на самом деле не так уж и смешно. Историческое знание – знание гуманитарное, знание о человеке в истории и для человека. Поэтому проблема языка здесь имеет совсем другое значение, чем в естественных науках, описывающих природу в произвольно-знаковых формулах – природе это безразлично. Как писал поэт: «Наши письма не нужны природе. Гуманитарные знания, гуманитаристика зародились в эпоху Возрождения как знание, противоположное знанию о Библии – божественному знанию о Боге, и не случайно с эпохи гуманизма началось развитие национальных языков и литератур.

Первые переименования исторических терминов, имели место в конце XIX – нач. XX вв. и явились свидетельством начала непростых отношений историографии с тремя смежными дисциплинами, которые ближе всего стоят к естествознанию, что отражается и в языке этих наук – биологией, социологией и психологией. В XX в. история, несомненно, испытала мощное воздействие этих наук, которые вторглись на ее поле и заставили ее говорить своим языком. Вполне очевидно, что подобное, не имеющее реальной пользы для исторической науки, реформирование ее традиционного языка, работает на разрыв ее прошлого и настоящего. Молодые историки, быстро осваивая новую терминологию пропитываются уверенностью в том, что знание, выраженное в традиционной языковой оболочке, уже следует считать «второсортным».

Осмысливая современные методологические дискуссии в российской исторической науке, думается, полезно вспомнить уроки аналогичных споров между русскими историками второй половины XIX в.

Их началом, как известно, стала публикация в середине 60-х гг. в России знаменитой книги Г.-Т. Бокля «История цивилизации в Англии», в которой традиционная историография, изучавшая индивидуальные исторические события и процессы, была объявлена архаичной и не соответствующей критериям научного знания. Бокль поставил задачу «поднять историю на степень науки», полагая, что решить эту задачу можно путем применения к изучению истории методов естествознания, а также путем использования при объяснении исторических явлений естественнонаучных теорий. Несколько позже, в 70–80-е годы в центре методологических споров среди русских историков оказались идеи другого историка и философа позитивистского направления И. Тэна, который также провозглашал идею необходимости превращения истории в науку, но предлагал использовать для этого не естествознание, а психологию.

В историографической литературе отмечалось, что среди крупных русских историков, серьезно занимавшихся методологическими вопросами истории, не было ни одного правоверного позитивиста в «боклевском» или «тэновском» смысле. Это действительно так, если считать сутью позитивизма конкретные идеи Бокля и Тэна о средствах реформирования исторической науки. Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, А.Н. Савин, П.А. Виноградов с иронией относились и к естественнонаучному редукционизму Бокля, и к абсолютизации значения психологических методов Тэна, а тем более к их историософским и конкретно-историческим выводам. Однако совсем иначе будет видеться ситуация, если считать главными идеями классиков позитивизма идею разрыва с предшествующей якобы ненаучной историографической традицией и идею созда-

ния новой методологии, которая бы смогла «поднять историю на степень науки». Этим двум идеям названные русские историки, безусловно, сочувствовали, и не только они. В этом смысле к сторонникам позитивистской программы реформы исторического знания следует отнести и В.О. Ключевского, и А.П. Щапова, и К.Н. Бестужева, и большинство других авторитетов русской исторической науки последней трети XIX – начала XX вв.

Этим, по-видимому, объясняются существенные различия в характере методологических дискуссий 60–90-х гг. вокруг проблемы модернизации исторического знания в России, и, например, в Германии. Доминирующим мотивом работ немецких противников позитивизма Г. Зибеля, Г. Дройзена, Г. Трейчке, а позже Г. Белова и Ф. Мейнеке, была идея сохранения преемственности обновляющейся методологии истории с методологическими принципами предшествующей немецкой историографии. Расходясь во взглядах с Л. Ранке по многим вопросам, те же малогерманцы не уставали подчеркивать, что его труды, равно как и труды других немецких историков первой половины XIX, заложили основы немецкой исторической науки, и потому ее не надо создавать с нуля, ее надо просто совершенствовать. Они соглашались признать архаизмами провиденциализм Ранке и его требование «беспристрастности», но при этом призывали учиться у него мастерству анализа исторических событий в их исторической индивидуальности. Идея исторической индивидуальности, как предмета исторической науки, которую позитивисты сделали главным объектом претензий к традиционной историографии, их противниками в Германии была безоговорочно взята под защиту и аргументировано обосновывалась всеми средствами философско-логического инструментария.

Нельзя сказать, что в дискуссиях русских историков по поводу позитивизма во второй половине XIX в. отсутствовали идеи о необходимости сохранения преемственности обновляющейся историографии с предшествующей отечественной исторической наукой, представленной фигурами таких ученых как С.М. Соловьев, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С.В. Ешевский и др. Противником «разрыва» с предшественниками был патриарх школы русских всеобщих историков В.И. Герье. Будучи, пожалуй, самым последовательным среди русских историков сторонником токвилевского консервативно-либерального завета «примирения современности с прошлым», он в своих многочисленных историографических статьях о Г.-Т. Бокле, И. Тэне, Ж. Мишле, Т.Н. Грановском, П.Н. Кудрявцеве, С.М. Соловьеве, Г. Трейчке и других историках постоянно пытался донести до читателей мысль о том, что эпатажное отрицание достижений прошлых историков, какими бы наивными нам не казались некоторые их выводы, не только не «поднимет историю на степень науки», но и рескомпрометирует то плодотворное, что несут в себе новые методологические воззрения. Герье был убежден в необходимости искать синтезирующий вариант методологии, в котором были бы сглажены расхождения среди представителей различных исторических направлений современности и прошлого: приведено к общему знаменателю все ценное, что в них содержалось. В этот синтезирующий вариант исторической методологии, по мнению Герье, непременно должны быть включены идея органического развития как преемственности одних исторических явлений другим, идея исторической индивидуальности как предмета исторического познания и идея научности исторического исследования, но понимаемая не в узко-позитивистском смысле, а в смысле использования принятых в сообществе историков рациональных способов описания и объяснения изучаемых исторических явлений. Характерно, что свою первую большую историографическую работу, большая часть которой была посвящена анализу взглядов Бокля, Герье назвал «Очерк развития исторической науки» [6], подчеркнув тем самым, что, как наука история, вопреки мнению позитивистов, существует уже давно.

Аналогичный подход к проблеме обновления исторической методологии мы обнаруживаем в работах ученика Герье П.Н. Ардашева, посвященных анализу программ реформирования исторической науки, предложенных в 90-е гг. Г. Лебоном и П.Ж. Лакомбом. В этих работах, как и в работах Герье, лейтмотивом звучит мысль о необходимости сохранения преемственности новых методологических программ историографической традиции, в том числе в главном: в понимании предмета исторической науки. «Для того, чтобы стать наукой, – писал Ардашев, – истории совсем нет надобности перестать быть тем, чем она и не может не быть, не переставши быть историей, – конкретным знанием прошлого человечества, в его целом и частях» [7].

Ардашев обратил внимание и на опасность «терминологической интервенции» на историческую науку со стороны тех ее реформаторов, которые стремятся повысить ее научный статус путем привития ей понятийных конструкций из «продвинутых» областей научного знания – будь то биология или психология. «Туман, нагнанный несообразной терминологией, – писал П.Н. Ардашев в заключении работы о Лебоне, – оставляет после себя какую-то муть и путаницу понятий, разобраться в которой мог бы разве только сам автор, да и то при условии предварительной очистки терминологии, – устранения из нее всякой неопределенности и двусмысленности».

Вместе с тем, следует признать, что позиция В.И. Герье, П.Н. Ардашева и немногих других русских историков консервативно-либерального крыла в спорах о модернизации исторического познания не была типичной для русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. Большая часть ее представителей сочувствовала фундаментальной идее позитивизма о том, что историческую науку надо не развивать, а создавать. Конечно, реверансов в сторону предшественников, тех же Т.Н. Грановского и С.М. Соловьева, делалось нема-

ло, но серьезного стремления найти в их воззрениях то, что способно было стать основой для движения отечественной науки вперед, не наблюдалось. Эти основы искались на пути переосмысления и усовершенствования новых западноевропейских веяний: сначала боклевского позитивизма, затем тэновского психологизма, марксистского экономизма, неокантианского критицизма и т.д. В начале XX в. благодаря этим «усовершенствованиям и переосмыслениям» российская философия истории в лице таких ее выдающихся представителей как Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Р.Ю. Виппер, Л.П. Карсавин завоевывала все больший авторитет в европейском ученом сообществе, и становилась все менее понятной рядовому российскому историку-конкретнику и рядовому российскому историку-учителю, получившим когда-то импульс для своего духовного развития от той историографии, с которой новая методология не захотела сохранить идейное родство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Iggers G.G. Historiography in the Twentieth Century: from scientific objectivity to the postmodern challenge. – Hannover and London: Wesleyan University Press, 1997. – 487 S.
2. Geschtsschreibung im 20. Jahrhundert. – Berlin: Fides Verlag, 1998. – 484 S.
3. Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки, 2002: Историографический вестник / Под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Наука. 2002. – С. 3–28.
4. Зверева Г.И. Цивилизационная специфика России: дискурсный анализ новой «историософии» // Общественные науки и современность. – 2003. – № 4. – С. 98–112.
5. Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. – Новосибирск: Наука, 1999. – 216 с.
6. Герье В.И. Очерк развития исторической науки. – М., 1865. – 113 с.
7. Ардашев П.Н. История как наука // Русское богатство. – 1896. – № 4. – С. 1–25.
8. Ардашев П.Н. Психология в истории // Вопросы философии и психологии. – 1895. – № 3. – С. 294–313.

УДК 930.1